

Митя Автономов — парень
немного странный. Ка-
кой-то он замедленный, что ли.
Ходит вразвалочку-вперевалочку
и всё время по сторонам смотрит,
будто выглядывает что-то нужное
для себя. Видно, правда, что редко

находит нужную вещь: это замет-
но по выражению его лица — всегда
равнодушного, полусонного. Ходит
Митя с такой вот физиономией и по
деревенским улицам, где мало нахо-
дится для него чего-то подходяще-
го, и по окрестным задворкам, куда

выбрасывают всякое барахло. Но не мусор какой-нибудь собирает Митя, совсем даже нет. Словно у коршуна, выглядывающего с громадной высоты свою добычу, его глаз высматривает только ему нужные вещички: вот кто-то выбросил куски разноцветных проводов, вот древний репродуктор, вот магнето от мотора валяется, вот фарфоровый изолятор вполне ещё пригодный, а там — мама родная — совсем уж сокровище: вышедший из строя трофейный приёмник.

От такой долгожданной, неслыханной удачи в глубине сонных глаз Мити Автономова загораются фиолетовые алчные огоньки, как у хищной росомахи, схватившей желанную дичь — жирного, громадного тетерева, он прижимает добычу к затрепетавшей за фуфайкой груди, с лица его вдруг спрыгивает привычное равнодушие, он маленько приседает, быстро зыркает по сторонам своими маленькими глазками: нет ли рядом более крупного хищника, способного отнять у него добычу, выхватить её прямо из-под носа, крепко прижимает её и, семеня короткими, но быстрыми ногами, бежит домой, к пристройке повети, где в стародавнем чулане отец отвёл ему угол для занятий «этой ерундой», как он именует сыновье увлечение. Отвёл, конечно, не сам, а по железному и окончательно приговору своей жены, то есть Митиной мамы Анны Кирилловны, женщины, смертельно уставшей от хлама, завалившего по сыновьей прихоти весь дом.

Анна Кирилловна выдвинула ультиматум: или она, или «эти железячки»!

Ну, какой уж тут выбор? Выбора не было, и Митя перенёс всё накопленное богатство в чулан.

Угол чулана теперь уже бесповоротно превращён Митей в громадную обитель металлического, резинового и пластмассового хлама. Но это с точки зрения дилетантского, бестолкового подхода. А с Митиной позиции — это целое богатство, у которого нет и не может быть материальной цены. Это богатство бесценно.

Представляет оно из себя мотки и клубки выброшенных из домов разнокалиберных проводов всех цветов самой нежнейшей радуги, это вам самых разных размеров и формы магниты, трансформаторы, конденсаторы, всякие там реле, раскуроченные, но всё же бесконечно дорогие для Вити патефоны, транзисторные приёмники и разных мастей розетки-выключатели, тумблеры, сломанные часы... Всё это хозяйство уложено в коробки и коробочки, ящики и старые чемоданы. И самое удивительное это то, что Митя Автономов знает, где и что лежит.

Он преображается, когда садится перед своим сокровищем на притащенную откуда-то, разъезжающуюся в разные стороны табуретку. Он ласково жмурится, словно добреет и оттаивает душой после школьной тягомотины, лицо начинает светиться, и в сонных доселе глазах зажигается смысл. Витя, словно драгоценные реликвии, словно бриллианты, золото и платину перебирает и долго разглядывает свои проводочки и же-

лезячки, штучку за штучкой, болтик за гаечкой. И чувствует себя пиратом, скрывающим от людей в потаённом месте несметные богатства.

Митя Автономов отрешён от ненужного, бесполезного и не очень-то доброжелательного к нему мира. Люди не понимают его увлечения и за глаза посмеиваются над ним, считают чудачком. Да и ладно, пусть считают, думает по этому поводу он. Люди вообще мало чем интересуются. Например, даже толком не знают, что такое электричество, откуда берётся молния, откуда гром? А он в этом разбирается с начальных классов. Даже мало кто знает, что физика — это наука о природных законах и явлениях. А он знает это чуть ли не с рождения.

Митя любит физику и радиодело.

Учится он в восьмом классе, но учится совсем для меня непонятно — как. Ни разу не видал я, чтобы он, допустим, делал уроки. Поэтому Митя — крепкий, стопроцентный троечник. Школа его не интересует вообще. Митя нравится мне своей необычностью, отрешённостью от мира, самозабвенностью в своём увлечении.

Ещё он любит мать, отца и свою домашнюю собаку — сибирскую лайку по кличке Гром.

Всем своим сонливо-равнодушным видом и наплевательским отношением к окружающему миру Гром напоминает своего хозяина, Митю Автономова. И никого он столь подчёркнуто радушно не приветствует, как его. Когда Митя заходит в калитку, молодой этот кобель, преис-

полненный радости от встречи, с очевидным трудом отдирает сонное туловище от деревянного настила, с опущенной головой, с подобием собачьей улыбки кое-как становится перед ним на растопыренные в стороны лапы, чтобы, наверно, не упасть спросонок, и два раза машет хвостом. Ровно два раза. На большее у него не хватает ни сил, ни желания. Митя треплет ему загривок и заходит в дом, а собаку начинает клонить в сторону. И вот наконец Гром заваливается набок и падает на настил, крепко стукнув костями о толстые доски. И мгновенно засыпает снова, будто и не просыпался вовсе.

Такие вот сцены повторяются всякий раз, когда Митя приходит из школы.

Я учусь на класс ниже — в седьмом — и вполне осознаю отсталость, никчёмность и ущербность перед Митиным совершенным владением техническими вопросами.

— Вот они, эти придурки, тройки мне ставят, — так оценивает он уровень компетентности своих учителей, — а могут они, к примеру, электричество на повесть провести? Хрена с два! Физ-зики! А я, нате вам, взял да и провёл.

В самом деле, на повети у них в доме туалет, и теперь на входе в него висит лампочка. Пошла, допустим, Митина матушка, Анна Кирилловна, посреди ночи туда по делам, и не надо по стенам шарить, путь искать: в коридорчике щёлк выключателем — и вот они, пожалуйста, перед вами необходимые удобства, и делай нужные дела при ярком освещении.

Даже газету можно почитать при желаниии. Опять же — не так страшно ночью на повети. Большое дело.

С некоторых пор я частый ходок в дом, где живёт Митя.

Дело в том, что моя мама любит выписывать всякие журналы, а я люблю их листать, и в журнале «Юный техник» я нашёл описание изготовления детекторного приёмника. Принёс журнал Мите. Вдруг это заинтересует его техническую натуру, да и поговорить будет о чём. В общем, принёс просто так, без дальних планов.

Результат превзошёл ожидания. Он распахнул сонные свои глаза, муть, вечно висящая в них, вдруг размылась, вспыхнула радужная оболочка, маленькие зрачки в мгновение расширились.

Митя долгонько водил пальцем по прямоугольным линиям схемы, бормотал:

— Ага, вот конденсатор, вот сопротивление... Ага, вот-вот... Тэк, тэк, тут сорок пикофарад, тут двадцать пять ом... А не маловато будет? Надо покумекать, должны где-то быть эти самые... ага, вот и они... А вот и сам детектор, вот он, голубчик...

Он задрал подбородок и сказал потолку:

— А вот это, брат ты мой, проблема. Где же нам его найти-то, этот самый детектор? Может, на радиоузле? Да там этот злыдень сидит, не допросишься у него... Ну ладно, посмотрим...

Злыднем Митя называл знамо дело кого — Николая Буркова, на-

чальника деревенского радиоузла. Тот, вызнав его нездоровую страсть к радиодеталям, близко не пускал Автономова к этому самому узлу. А там много чего имелось для Мити интересного... Бурков считал, что эти долбанутые радиолюбители — первейшие воришки и они только и зыркают своими бессовестными глазами, что и где плохо лежит. Я думаю, он плохо знал Митю, который, если и тянул чего, то только с мусорной свалки.

Я стал соображать: чего же он так загорелся-то, Митя Автономов? Неужели решил сам приёмник мастерить? И что, он будет разговаривать, этот приёмник, всякие новости нам в деревню из Москвы передавать? И я высказал сомнение, стоит ли браться за такое серьёзное дело? Но в Митиных глазах уже стоял ястребиный блеск, душа его только начинала обретать смысл жизни. И он поднял на меня эти наполненные смыслом, прояснившиеся глаза и сказал на выдохе:

— А чево тут такого? Делают же люди...

Вникая в хитросплетения схемы, Митя начинал порывисто дышать, технические детали его возбуждали.

— И что же, братцы вы мои, где же у нас с вами антенна? Вот она дорога, всё правильно — переходит в катушку, всё верно, так и должно быть... Это диод...

Пухлые губы Мити то выпячивались, то втягивались обратно, шлёпали друг о друга, издавая странные, причмокивающие звуки. «Надо же, — шептал он громко, как бы заговор-

щически, — куда же наука шагнула, ёлки-моталки».

И вдруг Митя оторвал от схемы и переместил на меня ошалелый взгляд физика, впервые внедрившегося в миллиардную частицу нейтрона, и теперь не знающего, что ему делать со своим открытием? Потом снова взгляделся в схему:

— Я не вижу здесь главного, — сказал он сдавленным шёпотом, голосом человека, погрузившегося в скрытую от людей тайну, — в этой схеме не обозначен источник питания!

И Митя заволновался:

— Они что, совсем за дураков людей держат? — спросил он меня с вытаращенными глазами. — Ведь это устройство не сможет работать, в принципе не сможет!

Я глядел на Митю с интересом, на его вспыхнувшее волнение, на его загоревшиеся глаза. Передо мной подпрыгивал на стуле настоящий учёный. Правда, я никогда не видал в жизни настоящих учёных, но, наверно, так волновался бы наш земляк Ломоносов, когда что-то там откровенывал.

— Ты представляешь, чего они предлагают в журнальчике этом? — спросил Митя меня дрожащим голосом. — Они хотят нарушить все законы физики, абсолютно все... Охренили совсем...

Я тоже начал маленько волноваться. Ничего себе, журнал принёс, показал... А тут — целый переворот в науке!

— Да они, эти балбесы, приёмник решили сделать без питания. Ну,

придурки! Вот как народ болванят! Они не понимают, что ли, что без энергии никакой механизм работать не может? Кул-либины, ёлки-моталки! Опять решили вечный двигатель изобрести! Вы гляньте на этих умников! Конечно, теперь он вечно и будет работать, если им батарейки не нужны. Зачем нам теперь аккумуляторы завозить на Северный полюс, если и так можно...

Митя махал перед моим носом журналом «Юный техник», маленькие глазки его были распахнуты и искрились. А я ничего не понимал. Да и не было для меня никакой разницы в том, есть в приёмнике батарейки или нет их совсем.

— Вот так, Павлик, и выращивают у нас радиолюбителей. Чего из него вырастет, если сама схема — враньё сплошное! Вот так и гробим мы нашу советскую науку, и страну всю гробим!

Вот такое вышло в тот вечер крупное волнение, но на следующий день Митя сам нашёл меня в школе и, потупясь, как бы оправдываясь, пробурчал:

— Не прав я вчера был. Там совсем другое решение. Всё работает за счёт энергии радиоволн. Заходи сегодня, обсудим.

Я, конечно, опять ничего не понял, но дома, едва перекусив, помчался к Митьке.

Нашёл его в дровянике. Он складывал дрова, наколотые наемднии. Поленица получалась ровная, аккумуляторная, линеечка в линеечку. Чтобы так сложить, мне бы пришлось долго тренироваться, да и то — потом по-

ленья торчали бы невпопад. Культурный он, Митька...

— Я тут в одной книжке ночью вычитал интересную вещь, — рассказывал он мне, похлопывая запястьем о торцы поленьев, — оказывается, радиоволны сами обладают энергией. Вот откуда она и берётся в приёмнике. Это же интересная вещь: какой-то передатчик за сотни километров, может быть, создаёт звуковой импульс и запускает его в эфир, как выстреливает, а тот и летит со страшной скоростью в разные стороны, как круги на воде, когда камень бросишь, может даже землю обогнуть. Это и есть радиоволна. А люди сидят с приёмниками на разных точках планеты и ловят эту волну с помощью антенн, как мы, например. Волна в антенну ударяет, а та её — хоп и поймала, и тут же отправила на приёмник. Она же под напором летит, эта волна, вот она тебе и энергия. Значит, можно без батарейки её ловить. И пожалуйста: «Га-ва-рит Ма-асква!» Митька произнёс это голосом Левитана. И вправду похоже. Как будто радио включилось.

Вроде всё срасталось. И просто и ясно. Даже я теперь понял, что такое радиоволна. Не каждый учитель смог бы так толково объяснить. Способный он, Митька. Да, далеко мне до него.

Поленница была сложена. Митя оглядел её с разных сторон, кое-где похлопал ещё по торцам и приказал:

— Пошли в дом.

Мы прошли в переднюю горницу, там на столе лежали какие-то детали, провода, деревяшки, бумаги...

— Я ночью не спал и всё продумал, — сообщил Митька. Оказывается он всю ночь изучал схему и читал инструкцию по сборке детекторного приёмника. — Если всё сделаем правильно, то будет работать.

Я вглядывался в схему — какие-то квадратики, треугольники, линии. Я ничего не понял. Предстояла серьёзная работа, и я робко поинтересовался:

— Митя, а ты правда во всём этом разобрался?

— Пришлось, — ответил он хмуро, и я понял, что Митя действительно вник во все тонкости. Такие, как он — слов на ветер не бросают.

— И тебе тоже придётся, — сказал он, въедливо на меня взглядывая. Ты же не попка какая-то, тоже должен соображать, что к чему.

На это я согласно закивал головой. Хотя я и не такой продвинутый, как Митя, но тоже не хотелось быть истуканом или этой самой «попкой».

Перво-наперво он решил обучить меня читать схему радиоприёмника. Мне это далось тяжело: я никак не мог представить, как эти прямоугольно-квадратные линии с какими-то вкраплениями нарисованных штук могут быть механизмом приёмника?

— Это что, провода? — спрашивал я, показывая на прямоугольники, — Они что, так и должны быть расположены?

— Да нет, это схематическое изображение устройства. Главное здесь — не расположение на рисунке, а принцип соединения частей и деталей в самом приёмнике, — тер-

пеливо толковал мне Митька. Видишь вот эту разлапистую штучку?

— Угу.

— Это антенна. Она здесь маленькая и рядом с самим устройством. А вообще она устанавливается на крыше и должна быть как можно длиннее. Тогда захват радиоволн будет шире. — Он вёл пальцем по схеме вниз, — а вот это, брат ты мой, катушка начинается, катушечка, видишь — завиточки пошли-пошли. Это важный предмет. Считаю, каждый новый виток — это и есть новая волна. Его ещё называют колебательным контуром. Ты потом сам увидишь — при сборке... Нижний контакт катушки уходит вот сюда, вниз. А куда вниз, ты и не знаешь, а уходит он в землю. Это заземление. Ты хоть знаешь, зачем заземление?

— Каждый дурак знает, зачем. Чтоб молния не шаракнула.

— Ну-с, правильно, молодец.

Вы бы посмотрели на Митю Автономова в этот момент, в этот сладкий для него час, когда он сидел передо мной и учительствовал. Наверное, — думал я, — выйдет из него настоящий учитель, может, и учёный, а может быть — аж космонавт. Митя важничал, и у него это получалось.

— А вот теперь, брат ты мой, Павлик, внутренность пошла приёмника, техническое его оснащение. — Где он слов таких мудрёных набрался, Автономов, ума не приложу, вроде в одной деревне живём...

— По-во-рачиваем по схеме налево, хоп! Что это такое? Как это называется? Скажи-ка мне дорогой Павел?

Треснуть бы ему, «дорогому Мите», чтобы не выпендривался тут, умник. Да не получится: крепкий он, Митька, да и постарше. Раздухарился, аж спать на ходу перестал... Глазищами зыркает, башкой вертит...

— А это, уважаемый, не что иное, как конденсатор. А ну-ка теперь вопросик: какие функции у конденсатора в детекторном приёмнике?

— Не знаю я никаких таких функций, — пробурчал я хмуро. — Ты, Митька, взялся объяснять, так и объясняй. Не гоношись тут, а то раздухарился с вопросиками...

Но Автономов как будто и не слышал ничего. Он пел свою любимую техническую радиопесню и был глух ко всему постороннему, как лесная птица глухарь на весеннем току. Впрочем, пел вполне миролюбиво. И мне с ним совсем не хотелось ругаться, ведь он меня, простофилю, учил уму-разуму. Кроме того, он пребывал в родной стихии:

— Конденсатор накапливает электрический заряд и выдаёт сколько нужно и когда нужно. Он помогает в настройке приёмника. А вот это что?

Митин палец остановился на мудрёном значке: треугольник упирается в палочку. Откуда мне было знать?

— А это и есть главная деталь, основной прибор. Называется диод или детектор, поэтому и приёмник — детекторный. Антенна-то ловит электроколебания высокой частоты, человеческое ухо их не разбирает, а диод преобразует их в нормальные, низкочастотные, и человек слышит в наушниках обыкновенный разговор.

Митя вдруг заволновался, аж вспотел маленько, покрутился на стуле, вскочил и пошёл к окошку. В окошке шумело весеннее море, там восточный ветер доламывал, мельчил в крошку ещё не растаявшие льдины. Он глядел куда-то вдаль, в уже открывшийся до горизонта синий простор и размышлял вслух:

— Вот люди, а! Вот человечество! Сколько они напридумывали всего! Вот же накрутили, ёлки-моталки.

Я Митьку понял. Это он завидовал тому, что все изобретения обошлись почему-то без него. Но я был уверен, что он ещё своё возьмёт. Он такой детекторный приёмник всем выдаст, что у самых лучших изобретателей пальцы заломит от зависти.

Он постоял ещё у окошка, покачался на крепких своих ногах, повернулся ко мне и сказал:

— Надо нам антенну с тобой установить на крыше. И чем длиннее, тем лучше. Тогда захват волн будет шире. — Он нахмурил лоб, задумался, — не знаю только, где проволоку достать? Проволока должна быть хорошая, лучше медная.

Дома ещё было много дел, и я заторопился:

— Давай, Митя, перенесём всё на завтра.

Кроме того, сегодня я узнал столько нового, надо было всё это переварить в голове, слабо приспособленной к технике. Митя согласился, и я побежал домой.

Дома, когда готовил уроки, я задумался над создавшейся ситуацией. Получается, что Автономов доверяет мне и берёт меня в напарники. Но

меня грызли сомнения: у меня нет никаких знаний, и я буду для Мити «подносчиком патронов», не более того. Принеси то, подай плоскогубцы, убери мусор... Мне такая роль не подходила. Хотя, если уж глядеть правде в глаза... Я вспомнил, как я делал самолёт. Стыдоба, да и только.

Прошлым летом из Посылторга пришла кордовая модель самолёта, заказанная для меня моим отцом, в разобранном, естественно состоянии. Двигателем для пропеллера у него служила резина, которую надо было сильно закрутить. Я собирал-собирал этот самолёт, прилаживал детальку за деталькой. А потом в присутствии всей семьи запустил на огороде в воздух. Думал: ну сейчас взмует мой воздушный корабль над деревней, над нашим домом, словно лебедь белый, поразит всех своим полётом. Я ведь долго корпел над ним, всё вымерял... А самолёт мой, будто подбитый немецкий истребитель, сразу после старта стал заваливаться на крыло и, описав в воздухе длинную неуклюжую траекторию, врезался в старый наш амбар лоб в лоб. Будто на таран пошёл — как лётчик Гастелло. Амбар, конечно, эту катастрофу выдержал, а вот самолёт... восстановлению не подлежал.

Ночью я плохо спал. И хоть сомневался я, но мне всё-таки хотелось верить, что мы с Митькой установим связь с Москвой и со всем миром, будем слушать новости не из дребезжащего чёрного бумажного репродуктора, которых в деревне полно и которые включаются

от стольких и до стольких. Конечно, у некоторых деревенских жителей уже стояли дома приёмники, но тут-то — свой, своедельный... Это, братцы дорогие, совсем другое дело! Подошёл к нему, наушники надел, тумблером щёлкнул — и пожалуйста: «Передаём для вас, уважаемые товарищи, последние новости». Причём получается, что приёмник сообщает всё только для меня и для Митьки. Мы у него «уважаемые», остальных это не касается. И только мы первые будем знать о всех последних событиях в нашей стране за рубежом. Ну там, какие надои у коров, какой спутник запустили, что с целинными землями происходит... Как зовут нового космонавта и на какую планету он полетел...

Люди, конечно, потянутся ко мне и к Митьке: «Дайте и нам послушать, ребята. Мы, мол, тоже интересуемся».

А мы будем отвечать: «Пожалуйста, пожалуйста. Только в очередь встаньте, видите, сколько народу собралось. Наушники одни, а вас много».

Правда, кое-кого я бы в эту очередь не пускал. Особенно некоторых старшеклассников...

Я несколько раз выходил на крыльцо. Сидел на нём и мечтал. На улице стояла весенняя радостная ночь, и знобкий ветерок забивался под наброшенную на плечи фуфайку. В преддверии скорого утра уже тренькали какие-то прилетевшие в деревню птахи, в лесу, на недалёком болоте, всё кряхтел и кряхтел в весеннем азарте, призывал подругу, заполошенный куропоть — самец куропатки. А над самой моей голо-

вой, в тёмно-сером небе, словно куски рваной ваты, небыстро летели лёгкие сиреневые облака, с запада на восток. И прямо передо мной висела в просветлённом уже небе северного апреля умытая весенней благодатью яркая луна. Она помаргивала мне широким своим расплывшимся левым глазом и как будто обещала, что тоже пошлёт мне своё таинственное радиосообщение.

Утром очень хотелось спать, а на уроках душа немилосердно стремилась к Митьке, к интересному делу, к приёмнику.

— Че, на крышу полезем? — спросил я Митьку первым делом, когда заявился к нему после уроков.

— Полезем, куда ж деваться, — кивнул он. — Только проволоку где достать медную? У меня точно нет. Может у твоего батьки?

У моего отца много чего есть, да только не про нашу честь. На такие дела особое разрешение потребуется. Но я видал в сарае на толстом старинном гвозде какой-то моток проволоки, кажись, медная и есть...

— А сколько метров надо?

— Метров сорок.

Я привёл Митю в наш сарай. Он схватил моток, и его толстые губы расплылись в довольной улыбке:

— То, что надо, Павлик! Нутром чую — тут как раз сорок метров. И сечение в аккурат, и ни узлов, ни связок. Ура! Пошли антенну натягивать.

Но я понимал неизбежное: если взять без спросу, будет крепкий разговор с отцом. Мне меньше всего этого хотелось. Тем более, я вспомнил, что проволока эта досталась

отцу тоже не за красивые глаза. Он выменял её на полкорзины свежей наваги у городских торгашей, которые шастают по нашему берегу и меняют рыбу на всё, что может пойти в ход у местных жителей. Отец хотел проволоку пустить на какое-то дело, но потом надобность, видимо, пропала и вот она висит без толку, нас, видимо, и ждёт.

— Не, Митя, надо разрешения у папы спросить.

Тут Митька загрустил, он понимал, что мой отец переговорщик непростой...

— Не отдаст ведь твой батька, не отдаст, — пробурчал он с надутой губой, — тот ещё жадина, знаем мы.

Все достоинства и недостатки своего отца я знал не хуже Мити. Да, он бережлив, конечно, даже, возможно — и очень, но смолчать я не мог:

— Ты, Митя, молчал бы насчёт своего батьки. Скупердьяй — почище других. В деревне-то первый будет.

Нам недосуг было ругаться. Митя это понимал. Он сказал примирительно:

— Ну, пойдём разговаривать что ли. Всё равно ведь надо.

Отца мы нашли на работе, на рыбзаводе. Он сидел в своей конторке, что-то писал и со звонкими щелчками отбрасывал круглые костяшки на огромных счётах. Шла подготовка к очередному рыболовецкому сезону.

— А, демократическая молодёжь, пришли в гости, значит, — проговорил он, одновременно что-то записывая в толстенный, замусоленный гроссбух. Он всегда так обращался к местной ребятне.

Мы покачивались у порога и вглядывались в туманное пространство конторки. В ней можно было лишь с трудом чего-нибудь разглядеть, потому что кругом стоял страшный табачный чад. Дымина висел такой, что казалось: сунь внутрь него рукавицу — она и будет лежать там, как на полке.

— Проходите, чего стоите, особого приглашения ждёте? — и это было коронной фразой моего отца.

Мы несмело уселись за стол, положили руки на столешницу, покрытую старыми газетами, упёрлись в него взглядами. А он на нас не обращал никакого внимания, он впиивался глазами в очередную костяшку счётов, потом хватал её тремя пальцами, закатывал глаза, как будто переваривал что-то в голове, а потом, словно решившись на какой-то сильный поступок, резко и уверенно отбрасывал костяшку в сторону. Затем, поправив очки, он внимательно и как бы недоверчиво разглядывал полученный результат. И только после этого что-то записывал в своём гроссбухе.

Наконец, он оторвался от своего мудрёного занятия, бросил на нас пытливый взгляд, разглядел, конечно, как мы заискивающе перед ним кукуемся и, хитро усмехнувшись, спросил:

— Чего затеяли, добры молодцы? Или набедокурили чего?

— Не-не! — закричали мы в два голоса. — Мы только спросить хотим.

— Та-ак, значит разговор, — отец взял лежащую на столе пачку «Севера» и выщелкнул из неё папироси-

ну, помял табак, постучал торцом о стол. Вот он сладко вдыхает дым, сидит, чадит, добавляет туману в и без того прокуренное помещение.

— И об чем краснофлотцы хотят разговаривать?

Митькино слово не имело перед моим отцом никакого значения, поэтому мне первому пришлось идти в бой.

— Пап, мы тут с Митькой приёмник решили сделать, — сказал я и замолчал. Надо было ждать развития разговора. Отец может повернуть его в любую сторону. Может и вообще разговор прекратить или увести его не туда. Он такой, мой отец. Но тут его что-то заинтересовало.

— Какой такой приёмник?

— Да, детекторный, вот...

— А-а, дефекторный, понятно.

Ни доли удивления, ноль реакции. Будто он всю жизнь только такими приёмниками и занимался. Пустяшное дело.

— Нам антенна нужна.

— Какой приёмник без антенны, знамо дело.

Иопять молчание. Только папироса во рту чадит, и дым вокруг лица — как туманище непролазный. Не растолкать отца.

— Нам проволока нужна, медная.

Из медной проволоки самолучшие антенны выходят.

— Понятно, понятно, кака антенна без медной проволоки?

Дым коромыслом и отцовское молчание. Понятно, что отец мой включил обычную свою тактику: подождать, посмотреть, куда разговор может выруть и какая от него может быть польза?

Вопрос, как ни крути, надо было решать, и я поднялся в атаку под залповый огонь, под танки, с одной гранаткой, и то с учебной.

— Пап, у тебя же моток висит в амбаре который год без дела. Как раз из медной проволоки. В аккурат под антенну сгодился бы.

Я напрягся: вот сейчас вся артиллерия вместе с «Катюшами» по мне и ударит. Мокрого места не оставит. Но в который уже раз убедился в мгновенной реакции отца, если речь идёт о чём-то полезном.

Дым вокруг него вдруг развеялся, будто его разнесли ворвавшиеся в конторку свежие ветры, и нам явилось вполне заинтересованное папино лицо. Но — кроме образовавшегося к нам интереса, в отцовских глазах появился и отблеск соперничества и азарта.

— Пойдите, мужики, я ведь для себя храню эту проволоку. Ты, Паша, забыл разве — я же собираюсь приёмник покупать ламповый, деньги уже с матерью отложили на это дело. Мне самому антенна нужна.

Вот так разворот-поворот. Я и знать не знал, и слышать не слышал, что отец собирается приобрести приёмник, да ещё и антенну устанавливать. Уж я-то знал бы об этих приготовлениях в самую первую очередь. А теперь получается, что и проволока не уплывёт в чужие руки, и антенна на нашей крыше стоять будет, а не на чьей-то другой.

Я же говорю: мой отец из своих рук ничего просто так не выпустит. Мимо него даже таракан налегке не

проскочит — обязательно на него чего-нибудь нагрузят.

Митька выручил всю ситуацию. Он, добрая душа, понял всё правильно и вовремя вклинился в разговор.

— Дядя Гриша, давайте так и сделаем: антенну устанавливаем на Вашем доме и она будет работать на два приёмника — на наш и на Ваш, когда вы купите.

Отец вдавил папиросину в замызганную пепельницу, представляющую из себя старое расколотое блюдце и сказал с видимым удовлетворением:

— Ваяйте, ребята, начинайте. Только с условием: под моим контролем, а то мало ли чего, не дай, Господи. С крыши навернётесь, а мне за вас и отвечай. Когда собираетесь антенну ставить?

— Завтра после уроков.

— Вот завтра после уроков найдите меня, и полезем на крышу все вместе. Пашка, тебе понятно? Ты первый ремня получишь, ежели самовольничать будете. Ясно вам, демократическая молодёжь?

— Ясно, всё ясно! — заорали мы хором. Мы с Митькой были счастливы от того, что всё удачно так вышло.

Обратно к своим домам мы с Митькой шли вдоль деревни, по морскому берегу, уже сбросившему с себя тяжеленные зимние глыбы, по твёрдой, как асфальт, влажной песчаной кромке, мимо притихшей после ледостава морской воды. И мне вочию казалось, как по всей неохватной шири морского пространства и по всему громадному поднебесью летели в разные стороны прозрач-

ные, невидимые радиоволны: одна за одной, другая за другой и ударялись о воздух, и создавали энергию. А потом, взбодрённые удачно проведённым разговором, мы радостно загорланили боевую песню — про то, как:

Средь нас был юный барабанщик,
В атаку он шёл впереди,
С весёлым другом барабаном,
С огнём большевистским в груди.

Мы тогда знали мало хороших песен, а эта нам нравилась, потому, что она звала к подвигу наши мальчишечьи сердца.

А по синей-синей воде оттаивающего после холоднющей зимы моря плавали голубовато-белые льдины, ещё не унесённые горными ветрами в морскую голомень, и на некоторых из них чернели продолговатые силуэты нерп, греющих жирные свои бока на проклюнувшемся наконец солнышке.

А на другой день... Хорошо, что он пришёл тогда в нашу деревню, этот самый «завтрашний день». Тогда я доподлинно узнал, что мой отец нуждается и в этой антенне, и в том приёмнике не меньше, чем я и Митька Автономов. Оказалось, что его самого всё это бесконечно интересовало, как мальчишку какого-то. А я совсем не знал его с такой стороны...

Ещё когда мы находились в школе, папа приготовил кучу всяких ненужных вещей: набор гаечных ключей, два молотка разных размеров, тиски, верёвки, две лестницы, ну и,

конечно, тот самый моток медной проволоки... Я-то ничего всё-равно не понимал, а Митька позыркал своими глазками на папины приготовления, поухмылялся, и отец сделал обидный для себя, но правильный вывод: в технические детали ему лучше всего не вступать, и всей работой в дальнейшем руководил Митя. А отец и я были у него на подхвате. А Автономов принёс то единственное, что и требовалось: четыре фарфоровых изолятора, найденных когда-то на какой-то свалке, и плоскогубцы.

Впрочем, устанавливали антенну они вдвоём — мой отец да Митя. Мне работы не нашлось, я был лишним. Поэтому я сидел за трубой, глядел, как они трудятся и пел для них революционные и военно-морские песни. Отцу как старому военному нравились те и другие. Папа обожал трогательно-грустную «Там, вдали за рекой, зажигались огни» про то, как боец молодой из буденовских войск героически погиб в бою с вражьей силой. Я её спел два раза. Папа сидел верхом на матице крыши, будто на резвой лошадке, держал в руках проволоку и командовал мне: а ну давай теперь «Шёл отряд по берегу». И я звонким голосёнком вытягивал новую мелодию. Я песни знал, потому, что был в школе запевалой и участвовал в художественной самодеятельности.

А ещё там, на крыше, я страшно завидовал Митьке Автономову, который так глубоко изучил законы физики, что понимает, как эта железяка-антенна, простая проволока,

может выхватывать из воздуха невидимые никому радиоволны и передавать их на приёмник. Понимал я и то, что и мой отец тоже завидует Митьке, который всё знает лучше его и сидит теперь с плоскогубцами, с самодовольной физиономией, ухмыляется и всеми командует.

Монтировал антенну Митька. Он сидел около самого конька, почти на краю крыши и возился с изоляторами: крепил их к боковой жерди, просовывал в отверстия и загибал проволоку, ловко работая с плоскогубцами. Он разворотисто, по-хозяйски корпел над своим занятием, водил плечами и двигал туда-сюда всем своим крепеньким корпусом. Маслянисто-жирные глазки его шныряли по сторонам, вверх и вниз — ему и в самом деле за всем надо было следить. Митя старательно и умело делал своё дело. Мой отец подавал ему инструмент, протягивал и натягивал проволоку от одного конька крыши к другому, и я видел, что он внимательно всё высматривает и запоминает. Он ведь всё это делал в первый раз. Тут я тоже завидовал Автономову: фактически он сейчас был учителем для моего отца. Само понимание этого давалось мне не просто. Я в такой роли, как сейчас Митька, не бывал ещё ни разу.

Правда, эта моя ревность к Мите изрядно компенсировалась реакцией на наше занятие соседей и других односельчан, регулярно проходящих по улице мимо нашего дома. Они все как один останавливались, внимательно нас разглядывали и интересовались:

— Чего удумал делать, Григорий Павлович?

Никто из них не свихнулся и не обратился с таким вопросом к Мите или же ко мне. Все почтительно спрашивали у моего отца. И только он имел право давать на эти вопросы какие нужно ответы.

— Ладно, — думал я, — пусть этот умник Автономов знает, что не он тут самый главный.

Но, говоря начистоту, работали мы весело и, наверное, довольно споро. Вот другой конец антенны закреплён на изоляторах и сброшен вниз на фасадную сторону дома. Мы спустились вниз, и отец просверлил в нужном месте небольшое отверстие в стене, продел проволоку насквозь, а я забежал внутрь и протаскивал её до натяжения. Антенна была готова!

Ещё я понял в тот день, что отец мой сильно зауважал Митю Автономова — как человека знающего и старательного. Мне он сказал:

— Вот парень растёт крепкий. Надо бы ему помочь. Ты, Паша, бери с него пример.

Я виду не подал, что вот сейчас сразу побегу к этому шибко умному Митьке и буду подражать ему во всём, но надо честно признать: далеко мне до него, слабоват я в технических вопросах, слабоват... И самое главное — не получается у меня, как у него, он — гений, а я кто?

На следующий день мы приступили к сборке самого приёмника. Делали мы это в Митиной горнице, ведь все детали находились у него дома. Тут я опять говорю «мы», хотя

всякому ясно: всю монтажную и организационную работу производил, конечно же, он, Митя. Мне досталась лишь роль подмастерья. Если бы я взялся чем-нибудь руководить, приёмник не произнёс бы потом ни единого словечка. Хотя и неприятно мне это признавать, но деваться некуда: мои знания можно было оценить лишь на твёрдую единицу с минусом.

Уже на следующий день начал вырисовываться общий вид Митиной технической мысли.

Он отпилил пятнадцатисантиметровый кусок от абсолютно круглой и ровной сухой берёзовой чурки, с двух торцов шурупами прикрепил к нему круглые, двадцатисантиметровые фанерные боковины, поставил это сооружение, похожее на обычную, только огромную нитяную катушку «на попа» и, любуясь на него своими маслянистыми глазками, ласково проворковал техническую фразу:

— Вот эта конструкция, Паша, и ляжет в основу создания нашего детекторного приёмника.

В самом деле, интересно, что такую «конструкцию» Митя наверняка придумал сам — в журнале «Юный техник» ничего такого не предлагалось.

Вскоре катушка стала обрастать элементами самого приёмника.

Мы долго раскурочивали один из хранящихся у Автономова трансформаторов, перематывали с него на бобину медную проволоку, затем эту проволоку ровно-ровно наматывали на сердцевину «катушки».

Надо признать, под митиным руководством эта работа получилась чудесно: проволока легла на чурку идеально гладко.

Потом был долгий выбор нужных деталей и их монтаж на фанерную боковину приёмника. Митя корпел над паяльником, прилаживал друг к другу контакты проводков, зачищал концы сопротивлений и конденсаторов и, как всякий радиомастер, с упоением вдыхал ароматный дым жжёной канифоли и припоя. Во всём этом и для меня была большая польза: глядя на Митю, я сам научился паять, и это потом сильно пригодилось в жизни.

Иногда в горницу входил Митин отец. Для меня этот человек представлял большую загадку. Круглоголовый, коренастый, на коротких, кривоватых ногах, он от двери бурчал какие-то невнятные, малозначащие фразы вроде: «Привет, хульганьё» или «Как жизнь, братва», потом не спеша подходил к нашему столу, выдвигал сбоку внутренний ящик, долго там шебуршал какими-то предметами, насвистывая при этом невнятную мелодию, чего-то находил, чего-то засовывал в карманы и уходил, унося за дверь и короткое своё тело и эту самую мелодию. При этом ни разу не поинтересовался, чем это мы занимаемся? А может, мы взрывное устройство готовим прямо у него в доме, а может... Да мало ли чего втихаря может готовить деревенская шпана? Я по себе знаю, что за нами нужен глаз да глаз.

А вообще, Митькин отец — это полная копия самого Митьки. Он

такой же полусонный, также спит на ходу и тоже ничем не интересуется, кроме техники. Он — главный механик колхоза. Говорят, деревня пыталась с ним скандалить по поводу его нелюдимости, неразговорчивости и равнодушия к колхозным делам, но он как обрезал: «Будут нарекания насчёт техники — скандальте, а так — не мешайте работать!» А из-за чего с ним ругаться, если любая косилка, любой трактор, каждое авто у него всегда на ходу и в масле. Дёрг верёвку — трактор гудит, тык кнопочку — машина поехала. Председатель всех резонит:

— Я за Михальча горло любому перегрызу! — а сам с ним не разговаривает, потому, что разговаривать с Михальчем — Митькиным папашей — совершенно невозможно. Такой он бирюк. Но его все терпят, потому что он технический уникум.

Наконец, дня через три Автономов поставил на стол полусобранное изделие, откинулся на стуле, закрыл глаза и сказал:

— Все, Павлик, приехали мы с тобой, дальше кони не пойдут.

— Что случилось, Митя, вроде всё нормально идёт?

Автономов медленно-медленно и как бы обречённо поднялся на стуле, подошёл опять к окну, за которым сегодняшнее море было беспокойно. Порывистый восточный ветер нагнал с голомени волну, вздымал на корге воду, но волна не докатывалась до берега, она разбивалась о толстую шугу — мелкий колотый весенний лёд и только, потеряв силу и тяжело шурша, с трудом

выбрасывала на берег полосы разноцветных льдинок. Над берегом, словно ворох поднятых ветром листов белой бумаги, бестолково кружила в воздухе стая прилетевших недавно в наши края белоснежных чаек и громко и нудно кричала. А на краешке воды стояла спиной к нам какая-то старуха и что-то бросала чайкам. Длинный подол её сарафана развевался ветром и был похож на силуэт колокола, наклонённого вбок усилием звонаря. Я не сразу узнал её со спины.

— Это Агафья Фёдоровна, соседка наша, — сказал мне Митя, не оборачиваясь. — Она всегда чаек кормит, когда они весной прилетают. Голодные потому что.

— А почему ты, Митя, считаешь, что работа наша закончилась, мы ведь ешо не закончили приёмник?

Автономов пробурчал:

— Потому что главной детали у нас нет — диода. Я вчера всё хозяйство перерыл, нашёл один, но он не подойдёт, захват высоких частот у него не тот, а какого надо — нету.

Я тоже стал переживать:

— Что, Митя, и в деревне ни у кого не найдётся?

Он отвернулся от окна, сунул руки в карманы, склонил голову, набычился и стал ходить по горнице взад и вперёд.

— Есть, конечно, — у этого фраера, — проговорил он с горечью, — да разве он даст? Видеть меня не хочет, ёлки-моталки. Будто я враг ему какой...

Я понял, о ком тут речь, но имя не стал произносить, чтобы не бе-

редить лишний раз Митькину душу. И так ему непросто сейчас. Надо же, все планы наши горят.

Дома отец сразу разглядел мою озабоченность:

— Чево, Пашка случилось? Или с приёмником чево?

Почему-то папа мой после совместной установки антенны теперь то и дело интересовался ходом наших работ.

— Застряло всё, пап.

— А чево?

— Главной детали у нас нет, а Колька Бурков нам её не даёт.

— Какой такой детали?

— Диода, ну то есть — самого детектора. Приёмник — то детекторный, — сказал я с великим знанием радиотехнических тонкостей.

Мы сидели на крылечке и папа привычно смолил очередную папиросину, при этом выдыхал столько дыма, что резвый ветерок не успевал его развеивать.

— А может, у него и нет этого диода, а вы человека ругаете ни про что...

— Да нет, есть у него, у него на радиоузле всё есть, но Мите он не даст, скупердяистый он. Коля думает, что Митька у него какой-то репродуктор спёр, а Автономов не брал.

— Дак вы хоть просили у него этот, как его, просили или нет?

— Нет, не просили.

Отец не смог выполнить затяжку и закашлялся.

— Ну, вы даёте, едри вашу тётю, демократическая молодёжь хренова. Не спросили, а уж — трали-вали. А может, он сам обрадуется, когда вы

ему спасибо скажите, да ещё и пожалуйста. С человеком поговорить надо сначала, а потом уж выводы строить всякие, обзывать его...

Отец мой занервничал, соскочил со ступеньки:

— Вот что, инженер, давай-ко прогуляемся с тобой к Буркову, к Кольке. Посмотрим, какой он такой-сякой.

Папа сбегал зачем-то в дом, и мы пошли на радиоузел.

Это техническое помещение представляло собой средних размеров комнату, вдоль стен громоздились полки, заставленные множеством раскуроченных скелетов бывших приёмников, магнитофонов, раций, микрофонов, граммофонов и даже аккордеонов — всем тем, что до какого-то времени звучало, пело и издавало всякие звуки. Коля Бурков слывет мастером на все руки, и всё это богатство принесли ему люди в надежде восстановить или отремонтировать любимую технику. Не у всех эти надежды оправдались...

Сам Николай сидел за столом, также заваленным всякой всячиной, и читал какую-то книжку. А чего ему делать, если радио по всей деревне функционирует нормально, если нет никаких проблем?

— Здорово лучшим людям нашей деревни! — поприветствовал его отец, — не будешь возражать, если мы присядем? — так он спросил, когда мы уже подвинули табуретки и уселись за столом по бокам от хозяйна радиоузла. Папа не церемонился с Бурковым, потому что тот ещё штаны в школе протирал и морковку ты-

рил по колхозным огородам, когда отец уже всю воевал на Северном Флоте. Коля приоткрыл рот и, наверное, хотел что-то сказать, но отец мой сгрёб с середины стола всякие там бумажки, достал из бокового кармана наполовину выпитую бутылку водки (было бы на отца не похоже, если бы он достал полную) и уверенно выставил на стол.

— Разговор есть, — сказал папа.

— Начало разговора хорошее, — одобрительно прогундосил начальник радиоузла, и взгляд его полыхнул ласковым огнём — такой взгляд бывает у кота, близко увидевшую неосторожную мышь. В хорошем парне Николае Буркове, как и у всех деревенских интеллигентов, страдающих от безделья, жила «одна, но пламенная страсть»...

Сразу после первой рюмочки — а у Николая такая посуда сразу отыскалась и для себя и для папы, и банка килечки нашлась тоже — отец приступил к делу:

— Ты, Николай, человек сам уважаемый, а почему же ты подрастающее поколение не уважаешь?..

И так далее и тому подобное. Коля ёрзал на стуле. Когда они допили водочку, оказалось, что начальник радиоузла Николай Бурков не только уважает подрастающее поколение, но и глубоко его ценит и готов лично участвовать в его формировании и воспитании.

Папа, конечно же, забыл спросить его о диоде, но я-то тогда зачем? Я и спросил напоследок, когда мы уже покидали гостеприимный радиоузел.

— Да у меня этих диодов — как собак нерезаных. Вот пускай Митька завтра и заходит. Выделю, какой скажет.

— Надо же, — выговаривал громко Бурков, — такой хороший парень, а я и не знал этого. Оказывается, и репродуктор не он стырил, надо же, а я на него думал... Это, наверно, кто-то из городских, эти проныры... Уж всяко не свой, не деревенский.

И в самом деле, на другой день Митя Автономов побывал на радиоузле и Бурков, расщедрившись, надарил ему и диодов, и триодов, и деталей всяких... Митя принёс это богатство домой, разложил на столе и опять долго крутил их в пальцах, разглядывал.

А мне сказал:

— Всё, я теперь Буркова уважаю. Кто худо о нём скажет — тот мой враг. Потом они, в самом деле, даже как бы подружились, и Митя стал часто бывать у него на радиоузле. У них нашлось много общих интересов.

Между тем сборка приёмника подходила к концу. Вот уже вмонтированы все детали, всё прилажено, законтачено, продумано. И сам диод-детектор вписан в схему и тоже должен работать. Автономов даже признался мне, что кое-какие элементы схемы он переиначил, и что теперь схема более совершенна.

— Качество звука будет теперь лучше, — сказал он, таинственно закатывая крохотные свои глазки. — А наушники — я вообще не понимаю, зачем стационарно монтировать в схему, лучше, если они будут переносными. — И на фанерной крышке

закрепил маленькую самодельную розетку, в которую с лёгким усилием входила вилка наушников.

Гений, просто гений!

Последнее, что Митя приладил, был ползунок, а точнее говоря, металлический стержень, вдоль которого тот и передвигался. Ползунок ходил параллельно чурочки, на которую была намотана проволока от трансформатора, и скользил закруглённым своим концом по оголённой полоске на ней. Митя, когда тонкой наждачной бумагой выскабливал ту полоску, выпячивал пухлую свою нижнюю губу, щурил и без того узенькие глазки и шептал мне вкрадчиво:

— Паша, имей ввиду, изоляцию надо снимать только с самого верха, ни в коем случае провода не должны контактировать, иначе — всё насмарку! Волны перепутаются и будет сплошной шум. Ты понял меня, Паша?

— Понял, Митя, конечно понял, — отвечал я твёрдо и тоже почему-то тихо. И надо сказать, что к окончанию работы я, в самом деле, стал кое в чём разбираться. Хотя, если сравнить мои знания с Митиными...

Но вот и в самом деле сборка закончилась. Автономов пытливо разглядывал своё произведение сверху, трогал проводки и детали. Всё в порядке... Потом поднял приёмник над головой и внимательно разглядел его снизу. Не знаю зачем, ведь там ничего не было. Он какое-то время сидел молча, не вставал. Как человек, закончивший петь песню, а попеть ему ещё хотелось бы... Потом тряхнул головой:

— Ну, всё. Теперь надо пробовать.

— Будем прямо сейчас пробовать? — мне не терпелось испытать технику.

— Не, — тихо сказал Митя, — давай завтра. Сейчас я не готов.

И я понял: он боится, что приёмник не станет работать, что труды его напрасны, что он что-то не так собрал... Ведь всё было в первый раз.

Вечером за ужином я объявил отцу и матери:

— Завтра после уроков мы с Митькой Автономовым придём к нам испытывать приёмник. Будем Москву слушать.

Отец перестал обглаживать рыбью кость и заинтересованно округлил глаза:

— Что, шабашите?

— Ага, осталось только к антенне подключиться.

— А зачем обязательно к нам приходите? — маленько забеспокоилась мама, — чего, уж больше негде ваши приёмники испытывать? Обязательно у нас в передней? — Мама наша очень не любила, когда в дом к ней заявлялся неизвестно кто и полы топтал «грязными сапожищами».

Но у отца, вероятно, мгновенно созрел какой-то свой план, и он сразу стал его реализовывать. Причём не абы как, а с видом человека, серьёзно владеющего техническими вопросами:

— А где проводить испытания, если антенна только у нас. Только в передней и можно подключиться. Там у мамы ввод антенны.

И у мамы иссякли аргументы, она

ведь не была столь искушена в нюансах радиодела, как наш отец.

А папа, ковыряясь ложкой в тарелке и озирая нас возбуждёнными глазами, продолжал развивать свою мысль:

— Ребята сделали большое дело, эфир будут слушать. Ни-че-го себе! Эт-то когда у нас в деревне такое дело было? Да и не было никогда!

Он вдруг вскочил со своего большого стула и перешёл к дивану, стоящему у входа. Плюхнулся на него и, выпрямив спину, сказал твёрдо нам и самому себе:

— Вот что, надо директора школы позвать на такое дело. Пусть полюбуется, чего могут наши деревенские ребята. А то всё — шпана да обормоты. А они вон, пожалуйста вам, приёмники собирают, Москву слушают за милую душу, а то и подальше чего поймают, не хуже городских...

Мама выразила резонное сомнение:

— А вдруг да не получится у них. Техника может и сломаться. Сам знаешь.

Это был серьёзный вопрос и отец уставился в одну точку, призадумался.

— Ежели такое произойдёт, — сказал он решительно и резко, — то пускай он, директор, и подскажет ребятам, что да как. Он ведь не хухры-мухры какой-то, а как-никак — физику преподаёт на уроках. Вот и покажет нам, какой он такой физик, едри его. А мы на него, на Дмитрия Николаевича, и поглядим.

Дмитрий Николаевич Лазуткин, директор школы, в самом деле учил нас физике, и был он папиным при-

ателем, они вместе рыбачили на дальних лесных озёрах. Кроме того, по секрету могу сказать, что частенько они с отцом сживали в папиной конторке и выпивали там по полстаканчика...

Не знаю, по какой причине Лазуткин недолюбливал Митю Автономова. Для меня это было странно, ведь Митя так любил физику.

— Пап, надо бы и Колю Буркова пригласить, он помог крепко.

— Во-во, — утвердил моё предложение отец, — и Колю пригласим.

Мама, святая женщина, так ничего и не поняла. А ведь она так хорошо знала нашего отца... Не догадывалась она, что на торжественное мероприятие по поводу начала эксплуатации приёмника кроме любителей сиделок с папой Буркова и Лазуткина будет приглашён и Михалыч, главный механизатор колхоза, Митин папа, старый краснофлотец. Они с моим отцом вместе уходили на войну и тоже любили посидеть, посудачить, вспомнить боевые походы и своих товарищей — Михалыч больше ни с кем в деревне так не общался. Маме, опытному человеку, можно было бы сразу догадаться, что это будет не просто «запуск приёмника в эксплуатацию»...

Назавтра после обеда первым прилетел к нам Николай Бурков. Он работает рядом — его конторка в центре деревни, наш дом по соседству.

— Здравствуйте, уважаемые земляки, — возгласил он бодро и почти торжественно, потом поправил очки и сразу стал зыркать глазами по сто-

ронам, но взгляду его не за что было зацепиться, ничего интересного нигде не было видно. Тогда он обратил внимание на приёмник, стоящий на столе, на нас, расположившихся вокруг него, и бодрим голосом громко спросил:

— Ну и чего он молчит, творенье рук человеческих?

Автономов, как главный конструктор, промолчал, этот вопрос не дотягивал до его уровня, а мне было вполне интересно пообсуждать с начальником местных радиосетей некоторые технические тонкости созданной аппаратуры:

— Коля, ты чего, не понимаешь? Он же детекторный, его только в наушники можно слушать. А перед этим надо ещё и антенну в него воткнуть, заземление подключить...

Бурков важно пару раз кивнул и замолчал. Ему, главному деревенскому специалисту по радио, совсем не хотелось выглядеть дилетантом в этом вопросе среди заведомо менее продвинутых односельчан. Он немного молча посидел и наконец заинтересовался:

— Ну тогда, может быть и воткнуть в него её, эту антенну.

Вклинился в разговор папа:

— Вот сейчас все придут, тогда и воткнём. Надо, чтобы со всеми вместе. А то неинтересно будет, одни участвуют, а других не приглашают.

Эти самые «другие» не заставили себя ждать. Буквально прошли минуты, как ввалился запыхавшийся директор школы, он же физик Лазуткин. С вытаращенными глазами он покрутил по сторонам круглой

головой и по-учительски громко и твёрдо завывоваривал:

— Прощу меня простить, дорогие товарищи, школьные дела, понимаете ли, учебный процесс, так сказать...

— Садись, Дима, присаживайся к нам, — сказал ему примирительно папа. — Сейчас последнего дождёмся — и будем «пусково» справлять.

— Что такое «пусково»? — спросил с блеском в глазах Бурков Николай и голос его дрогнул, — его радостно смутило слово «справлять».

— Это то, о чём ты и подумал, — сказал директор школы с улыбкой быстро всё понимающего человека. — Это значит пуск в эксплуатацию новой передовой техники. Правильно я понял, Григорий Павлович?

Мой отец тоже заулыбался и закивал:

— Правильно, правильно. Под звуки оркестра и с торжественным ужином.

— Эх, не зря я любимую работу на сегодня бросил и пришёл на это мероприятие... — сладко потянулся на своём стуле Коля Бурков и вытянул руки по сторонам ладонями вверх. Даже в плечах у него что-то мягко хрустнуло от предвкушения.

Наверное, чтобы не выглядеть перед учениками — мной и Митей — легкомысленным человеком, директор-физик Лазуткин стал интересоваться стоящим на столе приёмником, ведь по его поводу все сегодня и собрались. И потом он, наверное, уже несколько раз слышал в деревне звон про какой-то там приёмник, который строят его ученики, и вот появилась возможность самому

вникнуть в суть дела. Он придвинулся к столу, взял в руки приёмник и стал его разглядывать. А потом, как и положено, начал задавать Автономову специфические вопросы. Не могу в точности воспроизвести их в силу большой для меня технической сложности самих выражений, но звучали они примерно вот так: «Скажи-ка, Митя, настройка на частоту радиостанции производится изменением индуктивности контурной катушки или же как?» или: «Насколько высокоомными должны быть головные телефоны при столь низкой добротности всего контура детекторного радиоприёмника?»

Чего тут скажешь, я сидел, открыв рот, абсолютно ничего не понимая в таких делах, а Митька Автономов, почти мой одноклассник, разговаривал со своим учителем физики, да ещё и с директором школы совсем на равных. Он тоже сыпал премудрыми терминами и разъяснял устройство своего изделия абсолютно свободно.

Митька Автономов понимал толк в радиотехнике, понимал не хуже самого директора школы!

Они сидели и болтали на физическом, техническом и радио языке, словно два соловья, выщёлкивающих чудные трели и соревнующихся друг с другом в невероятно красивом пении.

Глядя на это, сидели, открыв рты, и мой отец, и начальник радиоузла Николай Бурков, и уже пришедший в нашу компанию Митин папа Михайлыч. И мой отец прервал красивый соловьиный дуэт и сказал директору школы:

— Ничего себе, ученички у тебя, Дмитрий Николаевич! Да его, этого Митьку, уже сейчас можно в институт отдавать, в этот самый, какой-нибудь там электроники, едри её.

Митя в ответ покраснел, а отец его, Михалыч, пробурчал чего-то там невнятное, но вполне одобрительное.

В разговор влез Коля Бурков с желанной, но несвоевременной идеей:

— Коли такое дело, может, пора «пусково» отметить, всё же ясно уже.

Папа мой наверняка был сердечным согласен с инициативой Николая, но всё же главный повод всей встречи заключался в другом.

— А радио послушать? Может и не заговорит совсем. Как тогда пусково?

Митя взялся за дело. Он был спокоен, наверное, уже знал результат, потому как заранее всё опробовал. И пододвинул приёмник к себе.

— Тэк-тэк, — произнёс он голосом профессора, стоящего на высокой кафедре и выступающего перед школярами. Маленькие глазки его при этом прыгали то от приёмника к нам, от нас к приёмнику, а в глубине их мигали крохотные, но яркие лампочки, — сначала мы соединяем уличную антенну с катушкой, подключаем заземление и тем самым наполняем всю схему энергией радиоволн...

После этих сыновьих слов Михалыч вдруг стал маленько пыхтеть. Он как-то приосанился на своём стуле, приподнялся даже, лицо его, до этого маловыразительное, приобрело некоторую важность. Он наконец

осознал значительность момента. Главный механик колхоза Михалыч вдруг понял, что его сын Митька, которого он всегда считал обормотом, занимающимся неизвестно чем, своими руками произвёл на свет то, что интересно уважаемым людям, что его сын совсем даже не обормот, потому, что он как с равным разговаривает с самим директором школы. И говорит его Митька языком, неведомым ему самому, не последнему в деревне механику. «Что же это происходит-то здесь такое?» — спросила удивлённая его душа, и Михалыч выпрямился на стуле окончательно, стал внимательно разглядывать всех собравшихся, как будто увидал всех нас впервые.

— Затем мы с вами надеваем наушники, — Митька ловко, одним лёгким движением обеих рук набросил наушники на голову, поправил их на ушах и... — тут голос у него возвысился, стал как у воспитателя в детском саду, разговаривающего со своими несмышлёнышами, — и вместе с вами начинаем сеанс связи.

Автономов тронул ползунок и плавно-плавно повёл его по катушке. Взгляд его при этом устремился в какую-то бесконечно-далёкую даль, куда-то сквозь нас, в туманную необозримость, где работают передатчики на радиостанциях и посылают к нам сигнал за сигналом в виде прозрачных радиоволн. Задача — только настроиться на них, поймать их с помощью ползунка на катушке, и мы услышим звуки далёких радиостанций... Неужели это возможно? — думалось мне, — и мы прямо сейчас

услышим голоса людей, летающие вокруг нас в бесконечном эфире?

Митя какое-то время двигал ползунок, вращал глазами и молчал. Вдруг его пухлые губы стали шевелиться, узкие глазки расширились, и он пробормотал:

— Ага, ну вот мы и поймали вас, уважаемый Архангельск.

Он устремил глаза в потолок, приоткрыл рот и стал бессовестно слушать какие-то голоса — без нас, один. Но это продолжалось недолго. Первым взорвался его отец, Михалыч:

— Ты, Митька, совесть-то имей! Тут не ты один сидишь! Умник хренов! — Он подбежал к сыну и стал стаскивать с него наушники. Митя и не сопротивлялся, он помог отцу правильно надеть наушники, проинструктировал:

— Сиди спокойно, слушай внимательно.

Михалыч сидел остолбенело, крутил головой, вытаращив на нас глаза:

— Не слышу ни хрена, шум какой-то да и всё.

Митя подошёл к нему, оттянул наушники от ушей:

— Ты, папа, успокойся, не нервничай, прислушайся и всё услышишь.

Михалыч в самом деле присмирел:

— Да, всё правильно, — сказал он, — дело новое, шуметь тут не надо.

Ему, видно, хотелось, чтобы люди убедились: приёмник, который сделал его сын, работает нормально. И вот он сидит в наушниках, с выпученными глазами, замер, как охотник перед дичью, молчит и только посапывает.

— О! — сказал он басом и донельзя округлил свои небольшие глаза. Замер. Прислушался. И замер надолго. Потом громко и сипло прошептал нам, будто не хотел, чтобы его услышали те, кто разговаривает в наушниках:

— Ледовую обстановку в горле Белого моря рассказывают. Ледоколы там работают, к навигации готовят. Не хрена себе! — прокомментировал он всю ситуацию.

Тут не выдержал мой отец:

— Слушайте вы, грамотное семейство, наушники надели, а другим, думаете, не надо! Одни вы, что ли?

Он подошёл к Михалычу и полусмешливо, но не терпящим возражений тоном приказал ему, своему приятелю:

— Сымай технику, другие тоже хотят!

Михалыч повиновался, но неохотно. Он, кряхтя вылез из-за стола и уселся вместе со всеми. Физиономия у него была при этом ошеломлённая.

Сцена с моим отцом повторилась такая же, как и с Михалычем. Но он немного послушав Архангельск, вдруг потребовал от Мити переключить его на Москву.

— Наших-то трепачей мы слышали уж. Ты, Митя, столицу поймал бы, интересно, чего она нам скажет.

Митя Автономов сел с ним рядом, надел наушники, прикусил верхней губой губу нижнюю, сосредоточенно наморщил лицо и повёл опять ползунок по накрученной проволоочной спирали. Эфир в его ушах был

полон всевозможных звуков, эфир гудел как большая коробка с цыплятами. Но нам, сидящим поодаль, без наушников слышны были только слабенькие попискивания в них. Митя находился внутри этой коробки, ему было трудно найти, выделить то, что нужно. И все глядели на него как на фокусника, который вот-вот вытащит за уши из своей шляпы нового зайца. А Митя Автономов и вытащил.

— Пожалуйста, Григорий Павлович, слушайте вашу Москву, — сказал он как бы между прочим, передавая папе наушники.

Отец мой пока слушал, рта так и не закрыл. Потом он сам снял наушники, молча положил их на стол и сообщил нам, притихшим:

— «Маяк» там говорит, радиостанция, об успехах социалистического соревнования. И добавил:

— Охреть тут можно...

Он уступил место директору школы, а сам присел на свой стул и притих. Так после хорошего концерта люди некоторое время молчат. Не хотят лишними словами портить впечатление.

Радио прослушали все, и все глядели на Митю Автономова и даже на меня и говорили:

— Ну, Митя, ну, ребята, ну вы и учудили! Ну, надо же, а!

А директор школы и одновременно учитель физики Лазуткин как-то засмутился даже и сказал Мите вполне тихо, но все это слышали:

— Я, Митя, чего-то не доглядел насчёт тебя... А ты и вправду продвинулся далеко, даже очень... Зай-

ди-ко ты ко мне завтра, Митя, после уроков. Обсудим то да сё...

После этого Митя по физике стал получать одни пятёрки. Да и по другим предметам тоже крепко подтянулся. Наверно, в нём что-то проснулось, чего никто раньше не замечал.

А в тот вечер, после сеансов радиосвязи, Коля Бурков потёр сладостно руки и громко радостно сказал:

— Ну, что, дорогие вы мои! «Пусково» состоялось! Надо бы нам это дело отметить!

И все также радостно с ним согласились и ушли на кухню отмечать хорошее событие. А мы с Автономовым не пошли, нам рано ещё было участвовать в таких мероприятиях. Мы остались за столом, рядом с приёмником.

Митя какое-то время сидел и молчал. Видно было, что к нему пришла радость. Он сегодня выдержал серьёзный экзамен на техническую зрелость, на то, чтобы занимать достойное место в деревенском общественном мнении. Он был уже почти взрослый, ведь он учился в восьмом, выпускном классе местной школы. Но он был всего-навсего мальчишкой и в тот вечер не понимал, как можно вынести такую радость на своих мальчишеских плечах. Радость придавила его, и он не знал, что с нею делать, что теперь надо сказать.

Детские мечтания тоже всегда радостны, наверное, поэтому Митя стал рассказывать мне о заветной мечте.

Мы сидели с ним за столом, в который раз вертели в руках приёмник, и Митя, вероятно потому, что

речь шла о чём-то потаённом, спросил меня тихо-тихо:

— Ты знаешь, Паша, что такое дрейфующие льды?

Я представлял это очень смутно и предположил:

— Это наверно, те, которых ветер по морю носит?

— В целом — правильно, но тут есть уточнение. Практически все льды, которые вокруг Северного полюса, они все движутся, они ведь плавают на поверхности Северного Ледовитого океана. Их толкают подводные течения, да и ветер тоже. Ты согласен с этим?

Откуда мне было знать такие тонкости. Я не знал, что ответить. Но Мите не очень-то и требовалось моё согласие. Он продолжал:

— А на них, на этих льдах, люди работают. Ну, там, в экспедициях всяких, на полярных станциях, да и погоду многие изучают. Годами живут. А их льдины несёт куда-то и несёт. Многие поэтому в беду попадают. Всяко же бывает, занесло льдину на тёплое течение, она таяла-таяла, да и треснула. Или ветер опять же, шторма страшные, так долбанёт, что ёлки-моталки! Люди погибнуть могут! Да и гибнут уже, в газетах же пишут... Вот тебе и дрейфующие льды! Надо, конечно, науку развивать, но людей-то жалко!

С кухни донёсся папин запев его любимой военной песни «Дрались по-геройски, по-русски два друга в пехоте морской». Другие участники застолья песню дружно подхватили. Там разгоралось «пусково». Бедная моя мама...

Митя отодвинул локтем приёмник в сторону, выпучил на меня глаза, полные сострадания к людям.

— Знаешь, почему так происходит, почему люди по-дурачки гибнут? — спросил он меня с глубокой горечью в голосе. И сам дал ответ на этот, в самом деле, назревший вопрос. — Потому, что у людей, работающих на дрейфующих льдах, нет скорой помощи. В городах она есть, а у людей, работающих в самых опасных условиях — её нет. Ну, это нормально?

Митя откинулся на стуле, посидел, покачался. Он только что выдал мне результат долгих своих, может быть, бессонных раздумий.

— Страна же не может так бездумно терять своих лучших людей. Надо же прекратить это безобразие. Надо? Ты мне, Паша, скажи, надо или не надо?

Что я мог ответить? Я тоже зажётся благородной задачей спасти полярников.

— Да, надо бы спасти людей-то, — поддержал я Митьку вполне уверенно.

Автономов перешёл к конкретике:

— А если надо, тогда давай и думать, как это лучше сделать.

Тут я понял, что Митька всё давно уже продумал, и что он обязательно расскажет мне свой план — как выручать полярников из беды. Так оно и получилось.

— Есть такой очень заслуженный человек, Герой Советского Союза. Его зовут Эрнест Теодорович Кренкель. Это самый главный полярный радист всех континентов. Он участвовал во всех полярных экспедициях и

умел устанавливать связь на любых расстояниях, поэтому спас многих людей, попавших в беду. Причём он работал на самодельных радиостанциях. Представляешь, государство не могло сделать надёжных раций, а он делал их сам, и они получались лучше. Он даже из Арктики связь установил с Антарктикой, тысячи километров, шутка сказать... Впервые в истории...

Митя помедлил опять, помолчал. Наверное, он всё же сомневался, говорить ли мне о главном, о сути мечты. Но день был сегодня такой необычно-радостный, и он не выдержал. Радость его возбуждала:

— Я решил создать ППСП — пункт полярной скорой помощи на дрейфующей льдине. Он будет располагаться в пространстве между Землёй Франца Иосифа, Северной Землёй и северной оконечностью Новой Земли. В этих местах обитает больше всего людей. У меня там будет мощная радиостанция с приёмником и передатчиком, и я буду ловить сигналы всех, кто терпит бедствие. Я их сделаю сам, как Кренкель...

С кухни доносилась любимая военная песня моряков Северного Флота «Прощайте, скалистые горы». Мне показалось, что Коля Бурков запевал громче всех, хотя краснофлотцем никогда не был, в отличие от моего отца и Михалыча. Он, вероятно, просто любил Северный Флот.

— Хорошо, — спросил я Автономова, — а вдруг кто-то гибнет очень далеко. Как ты сможешь им помочь?

— На этот случай у меня будет самолёт. Он будет всегда стоять рядом, на льдине. Сел в него и полетел.

Как-то всё больно гладко получалось, и я засомневался:

— Митя, но ты ведь не умеешь на самолёте. Для этого надо долго учиться...

— А зачем мне самому летать? Учат же лётчиков, мне государство выделит кого-то, он и будет у меня работать. Вот ты, Паша, например, можешь выучиться на лётчика, и я возьму тебя к себе. Согласен? Представляешь, мы спасём какой-нибудь ледокол, как Кренкель «Челюскина» спас, и нам с тобой присвоят звания Героев Советского Союза...

«Пусково» в тот вечер получилось на славу. Гости долго ещё сидели и распевали военно-морские песни. Митя увёл отца домой. Михалыч шёл по деревне, держась за сына, и, путая мелодию, громко выводил трагическую, но славную песню «Раскинулось море широко». Для него это было совсем не характерно — ходить по деревне с песнями. Но сегодня он праздновал свою радость, он испытывал гордость за своего сына — Дмитрия Автономова, своими руками сделавшего детекторный приёмник.

Потом я на долгие годы потерял из виду этого незаметного, скромного и бесконечно талантливое деревенского парня Митю. Он куда-то уехал из деревни, я тоже уехал... А я ведь вспоминал его, вспоминал... Только по прошествии многих лет узнал, что он после окончания школы попал служить на Тихоокеанский флот и проходил службу на боевых

кораблях. Командир корабля, разглядев в главстаршине Автономове толкового хозяйственника, упросил его остаться на сверхсрочную, и стал Автономов мичманом, боцманом вертолетонесущего крейсера. Хозяйство большое... И Митя довёл это хозяйство до блеска. Говорят, его фотография долго висела на Доске Почёта Тихоокеанского Флота.

И не стал Митя начальником поллярной спасательной станции, оборудованной сделанными им самим замечательными приборами. А я не стал лётчиком в его большом хозяйстве. Жаль...

Что поделаешь, так уж устроена наша жизнь: талантливые самородки из русских деревень пока что не нужны российской державе. Они, незамеченные, неприкаянные, растворяются где-то в чужих университетских коридорах да служат прапорщиками во всепоглощающей военной системе. Конечно, там тоже нужны грамотные люди, но зачем тогда скорбеть о хроническом отсутствии своих нобелевских лауреатов?

Я часто возвращаюсь из города в места, в которых бывало со мной то далёкое и родное, что ушло теперь безвозвратно. Белой-белой июльской беломорской ночью я выхожу из дома, сажусь на полузамытое в песок старое бревно и вглядываюсь в серо-сиреневое, белесое небо, что

раскинулось над уходящей в даль морской бездной.

И вижу, как в светлом ночном море летят и летят одна за другой, в разных направлениях, прозрачные воздушные волны и исчезают в размытости светлой ночи, в неясности горизонта, где сиреневое небо сливается с сиреневым морем. И чудится мне, романтику своих мест, что каждый из этих воздушных потоков несёт свою нотку, свою мелодию, свой звук, свою радостную энергию. Поэтому в поднебесье висят переливы мелодичного весёлого звона и создают нежную какофонию божественного мироздания. Под куполом небес звучит божественная музыка...

Всякий человек — приёмник этих волн и этих звуков. Человеческие сердца ловят их и по-разному на них реагируют, потому что у людей сердца настроены по-разному. Они очень выборочны в восприятии тонов и мелодий и желают слышать только то, что им нравится. Поэтому и окружающий нас мир тоже разный, ведь он состоит из людей.

Моё сердце воспринимает от этих разносчиков энергии и сладкую музыку, и слова любви к родной земле, к моему далёкому-далёкому детству, в котором жили мои родители, жил Митька Автономов. Когда я вместе с ним строил детский свой детекторный приёмник.